

Бекман из Ганновера - московский приказчик, участник судебного процесса. Пример, приводимый в лекциях «О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством», читанных Спасовичем в С.-Петербургском университете (1860). Спасович Владимир Данилович (1829—1907) зав. кафедры уголовного права в Петербургском университете. В 1863 г. издал "Учебник уголовного права", который в течение многих десятилетий был настольной книгой для всякого образованного юриста. Большой вклад сделан в уголовной науке (криминалистика, уголовное право, уголовный процесс и т.д.). В прошедшей моей беседе я старался доказать, что система судебных доказательств по Воинскому уставу 1716 г. и Своду законов значительно устарела. Пример: дело о поджоге фабрики Мейера. Австриец Мейер (33 лет) завел в Москве булавочную и карандашную фабрику. Он содержал у себя на квартире шведа Трея в качестве мастера и ганноверца **Бекмана** в качестве приказчика. 5 июля 1848 г. Трей и **Бекман**, явившись сначала к жандармскому окружному генералу, а потом к московскому обер-полицеймейстеру, объявили, что Мейер намерен поджечь того же числа свою фабрику. Последнее из этих объявлений сделано было в 6 часов вечера. Поджог должен был последовать ночью; времени было довольно. По непонятной причине полиция не предприняла своевременно никаких мер к предупреждению преступления, не уведомила даже пожарную команду об ожидаемом пожаре. Полиция пришла в действие только в самую минуту совершения преступления. Пристав Лисицын и полицейские прибыли к двухэтажному деревянному дому, занимаемому Мейером после 12 часов ночи. Дом был заперт и в окнах темно. Под двумя окошками верхнего этажа тянулся навес от подъезда, так что из них можно было вылезти на этот навес. Вскоре после прибытия полиции через одно из этих окошек вылезли Трей и **Бекман**. Потом минуты через две блеснула внутри комнат струя огня, пламя распространилось весьма быстро по всем жилым комнатам. В то же время выбита была изнутри рама другого окошка, устроенного над навесом, и через это окошко выскочил на навес сам фабрикант Мейер, одетый в халат, подпоясанный шелковым платком, приколотым золотой булавкой, с шляпой на голове и различными бумагами и деньгами (до 100 рублей серебром) в кармане. Пламя действовало с такой силой, что не только дом, в котором была фабрика Мейера, но и два соседние строения сгорели. Погоревшие, кроме Мейера, понесли убытку до 21 700 рублей. Не остается ни малейшего сомнения, что пожар произошел от умышленного поджога, совершенного внутри квартиры Мейера. Пожар, предсказанный Треем и **Бекманом**, случился как раз в указанное ими время и распространился с такой быстротой, что не мог быть остановлен никакими усилиями пожарной команды. Притом никто из бывших внутри квартиры людей не сделал ни малейшей попытки к его потушению. Поджог мог быть совершен только лицами, находившимися в квартире Мейера; но в верхнем этаже, ночью с 5 на 6 число июля, никого не было, кроме Мейера, **Бекмана** и Трея, следовательно, только между ними и можно искать виновного. Они все трое не могут быть заподозрены в том, что действовали по взаимному между собой соглашению. Это предположение уничтожается донесением со стороны **Бекмана** и Трея полиции о замышляемом преступлении, и донесением весьма своевременным, когда могли быть предприняты все меры к предупреждению преступления. Обвинять их в том, что они не воспрепятствовали Мейеру совершить поджог, нет никакой причины, во-первых, потому, что никто по закону не обязан противодействовать преступлению, подвергая самого себя опасности, а они могли подвергнуться опасности, противодействуя Мейеру, человеку чрезвычайно, как из дела видно, решительному и дерзкому; во-вторых, потому, что дав знать заблаговременно полиции о поджоге, они могли полагаться на то, что полиция уже держит наготове все средства к потушению пожара; в-третьих, потому, что, остановив поджог, они могли бояться, что лишат сами себя возможности доказать донос, следовательно, подвергнуться ответственности, грозящей доносчикам, не доказавшим свой донос. За устранением предположения, что Трей и **Бекман** действовали с Мейером заодно, следует предположить, что поджог совершен или Мейером, или **Бекманом** с

Треем. Мейер старался взвалить на **Бекмана** и Трея подозрение в поджоге, но его обвинение невероятно. Оно исходит от человека, который, будучи сам обвиняем в преступлении, должен был стараться сложить вину на других, чтобы самому выпутаться. Притом извет Мейера на **Бекмана** и Трея сделан не с первого разу, а только при третьем допросе (при первых двух допросах Мейер обвинял в поджоге своих фабричных работников, но никто из этих работников не ночевал в верхнем этаже с 5 на 6 июля). Притом Мейеру не удалось указать ни на одну правдоподобную причину, которая бы могла склонить **Бекмана** и Трея к поджогу. То он отзывался, что **Бекман** и Трей действовали по чувству мести за худое с ними обращение, то он говорил, что они действовали с целью освободиться от зависимости по контракту, заключенному с ним, Мейером, или с тем, чтобы похитить во время пожара его, Мейера, платье, серебряные ложки и бриллианты. Из дела, правда, видно, что Мейер — человек вспыльчивого характера, что раз на ярмарке Ирбитской он расшиб **Бекману** лоб кинутой в него тарелкой, а Трею бросил раз в лицо несколько пачек карандашей, но оба эти происшествия случились задолго до пожара; пред самым же пожаром **Бекман** и Трей находились с Мейером в самых лучших отношениях. Несколько мейеровских серебряных ложек найдено у Трея, но Трей их не скрывал и объяснил, что они переданы ему Мейером пред пожаром на сохранение. Притом трудно предположить, чтобы Трей решился на зажигательство из-за нескольких серебряных ложек. Что же касается до бриллиантовых вещей, то были ли у Мейера такие вещи ценой, как Мейер утверждал, в 3 тыс. 725 рублей, не только не доказано, но даже весьма сомнительно. Мейер не мог поставить ни одного свидетеля, который бы видел у него эти бриллианты, не мог объяснить ни от кого, ни где и когда он их приобрел. Итак, остается только одна догадка, что поджог совершил сам Мейер. Мейер — человек деловой и предприимчивый. Он родился в Вене, воспитывался в С.-Петербурге, жил некоторое время в Казани и в 1834 году завел в Москве сигарную фабрику. Потом он изобрел новое средство истребления насекомых и занимался применением этого изобретения в Англии, где он предлагал продать свой секрет за 30 тыс. фунтов стерлингов, но не нашел охотников на покупку. В 1844 году Мейер вернулся в Казань, где завел табачную лавку, а в 1847 году переехал в Москву, где и решился завести значительную булавочную и карандашную фабрику на 90 работников. Не получив на то разрешения от полиции, он привел свой завод в действие и начал продажу изделий. Он судился четыре раза и был дважды наказан арестом за нанесение побоев, а раз подвергнут взысканию за принуждение своих работников работать в праздничные дни. Мейер имел существенный интерес в том, чтобы имущество его сгорело. В мае 1848 г. он застраховал свою фабрику в страховом обществе в 9800 рублей серебром. Стоимость фабричного заведения Мейера была гораздо ниже этой суммы. Между тем дела Мейера шли весьма плохо, полиция не давала разрешения на производство работ фабричных и ежеминутно могла закрыть фабрику; изделия не раскупались. Мейер задолжал разным лицам до 5000 рублей серебром, следовательно, получение по полису денег за фабрику и движимости от страхового общества гораздо вернее могло его обеспечивать, нежели явно убыточное продолжение работ или продажа фабрики. В предшествовавшем пожару поведении Мейера заметен целый ряд действий приуготовительных к беспрепятственному совершению поджога с возможно меньшей для него потерей. За десять дней до пожара он отправил жену на дачу, отказал от дома жившему у него учителю музыки Славику, удалил крестьянского мальчика, спавшего у него в передней; приостановился с покупкой материалов для фабрики, овса для лошадей своих и выставил в своей комнате двойное окно, обращенное на навес. Способ, употребленный Мейером для поджога, очень хорошо объясняет быстрое распространение пламени по квартире. **Бекман** донес, что Мейер, имеющий уже купленное дней за пять ведро спирта, велел ему купить такое же другое. Сверх спирта Мейер приказал Трею принести в его, Мейера, комнату бочонок, содержащий до 10 фунтов олеину, да кроме того, имел в своей комнате запас фосфорных спичек. Мейер наполнил спиртом два таза и несколько плевательниц и, намочив стопу

бумаги в спирте, расположил листы по ящикам в шкафах, комод, бюро и буфете, после чего зажег спирт. Наконец, Мейер схвачен полицией во время пожара не в таком вовсе виде, как человек заснувший и врасплох пробужденный пожаром, но как человек, приготовившийся к событию, в подпоясанном халате, с платком, проколотым булавкой, в сапогах и шляпе на голове. Весь акт поджога совершился почти на глазах полиции. Как же решено дело? Суды редко приговаривают к наказанию, когда нет налицо собственного признания или присяжных свидетелей; Мейер же заперся в преступлении да обвинил **Бекмана** и Трея. Но суды редко вдаются в оценку вопроса, какое из нескольких обвинений основательнее. Кто-нибудь из обвиняющих взаимно виноват, но кто? Того взять на свою совесть суды не решились. Они остановились на полумере, а именно: оставили в подозрении и Мейера и **Бекмана** с Треем, первого — по предмету поджога, двух последних — по предмету сообщничества с ним в поджоге. Так решили Надворный суд и Уголовная палата. Дело поступило в Сенат. Департамент Правительствующего Сената оставил Мейера в подозрении в поджоге, не освобождая от подозрений **Бекмана** и Трея, но изменил только существо этого подозрения, а именно: заподозрил их только в попусшении поджогу. С этим решением не согласился обер-прокурор и потребовал совершенного освобождения **Бекмана** и Трея и присуждения Мейера к наказанию. Общее собрание Московских департаментов Сената освободило **Бекмана** и Трея, но нашло, что хотя Мейер навлекает на себя сильное подозрение в поджоге, однако в деле нет законных доказательств, которые бы исключали возможность недоумевать о вине его, потому что свидетелями поджога были только **Бекман** и Трея, они же и доносчики, следовательно, их показания юридической силы не имеют никакой. Частная сторона дела состоит в том вознаграждении, которое должны получить погоревшие от пожара. Кто должен дать это вознаграждение? Эта обязанность, в случае изобличения Мейера в поджоге, падала бы на него, а при несостоятельности его — на непредупредившую поджога полицию. Так как Мейер оставлен был всеми судами только в подозрении, то об ответственности его за убытки от пожара не было и речи. Оставалась полиция. Уголовная палата полагала отрешить пристава Лисицына от должности и подвергнуть его взысканию убытков в пользу погоревших. Но Лисицын, сознаваясь, что был предуведомлен о поджоге заблаговременно, оправдался тем, что был стеснен в своих распоряжениях ожиданием лица, которое обер-полицмейстер должен был командировать для совместного с ним действия; это же лицо прибыло к нему только в 11 часов. Сенат не сделал о Лисицыне постановления, он постановил не возлагать даже на московского военного генерал-губернатора обязанности принятия мер к покрытию убытков.